

313	0258-01	ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	"На излёте эры"	Часть 1 "В трудах и спячке"
314	0258-02	ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ	"На излёте эры"	Часть 2 "Признаешь ли, Отечество?"

"На излёте эры" (Коренблит – Кублановский)

Часть 1 "В трудах и спячке"

1. Мерещится	– 3.08
2. Под крылом павшей империи	– 1.15
3. Разговор	– 1.25
4. Белой ночью	– 2.06
5. Разговор-2	– 2.48
6. Путник	– 1.47
7. Где чайки	– 1.42
8. Не обессудь	– 1.24
9. Спеша	– 1.59
10. В Париже	– 2.52
11. Париж	– 1.21
12. Возвращение домой	– 2.11
13. Васильковая тьма	– 2.43
14. Бабье лето	– 2.51
15. В трудах и спячке	– 1.35
16. Во мгле	– 1.41
17. Под кровавую воду	– 1.29
18. Осень	– 1.44
19. Страшно	– 1.13
20. Голос из хора	– 1.57
21. Русь	– 1.37
22. Россия ты моя	– 1.58

Общее время звучания – 42.46

Общее время звучания – 79.09

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 "В трудах и спячке"

1. МЕРЕЩИТСЯ

Мерещится, я не один брожу
по этим сумеркам — с тобою.
То что-нибудь тебе скажу,
то утаю, солгу, сокрою.
Столь ясно помнятся и стать твоя,
и прыть, любая ипостась и складка,
что лгать не совестно и правду говорить
тебе, единственная, сладко.
Кривую улицу, покрытый снегом храм,
где вороньё обсело крышу,
я не один, а пополам
с тобою чувствую и вижу.
И что мне до того, что там, где ты — июль,
а тут воротники да шубы?
Запылю ли горькую, умру ли, оживу ль —
все так же радуют глаза твои и губы.
Всё так же радуют... Но нет, ещё сильнее,
зане не гаснут, не твердеют.

И волосы твои ещё рыжей
на полотне подушки тлеют.
Чего ж... Благодарю, что ласкова с чужим,
ты лучшие часы крадёшь для нас, воровка.
Да мне и так легко! Да я смеюсь над ним!
И не скучна моя зимовка.

2. ПОД КРЫЛОМ ПАВШЕЙ ИМПЕРИИ

Стяг золотой с грозным орлом,
белые двери — и
Пасха прошла вся под крылом
павшей империи.
И за кормой, раздаваясь вширь,
рос — и его роса
тускло поблескивала — пустырь
отчего космоса.

Жизнь отстроилась на золе,
дабы смел речь вести.
Видел, что ящерицу в дупле,
душу я в вечности.

Чью и из чьих только памятных рук
жертву принять не успел.
В лавре Афонской с оливками лук
в знойные сумерки ел,
слыша за зубчатую стеной
древний распев морской.

И подпевает ему мужской
ночью у Иверской.

3. РАЗГОВОР

Две снежинки — залётные поздние гости
засыпают в зеленой траве.
До краёв пустотою наполнены горсти.
И темны облака в синеве.

Что приснится и что тебе снилось намедни,
расскажи заодно.
Разглядим эти вешние вещи бредни:
где там соль, где зерно.

Или, может быть, бодрствовать лучше ночами,
а дремать на заре,
и скорей просыпаться с листвою, с грачами,
с тишиной на дворе.

Потому что душа занята разговором
с тем, кому не видна,
кто вслепую её донимает укором
и слезой прожигает до дна.

4. БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Всё львы, да конюхи, да конные дворы,
укрытые в лазурную личину.
Вот-вот покатаются гранитные шары
и рухнут — в невскую пучину.

С листвы накапало в одну из тёмных ниш,
где ёжится сатир женоподобно...
Но раб надеется, что ты его казнишь,
но перед смертью наградишь
всем тем, чем госпожа способна.

И потому бегу по лестницам в галоп,
беру рукой трамвай за жестяные жабры
и слушаюсь, когда — жидковолосый сноб
заводит в конуру, конечно, полугроб,
чтоб за полночь читать абракадабру.

Но ночь-то белая! Но на Литейном тишь!
Мост на попа стоит, подобно башне Трои.
Но раб надеется, что ты его казнишь
и, пусть на цыпочках, введёшь в свои покои.

5. РАГОВОР-2

Городские деревья в туманце зелёном
за воздушную ямой окна.
Но не видит душа, занята разговором
с тем, кому не видна.

Для чего теревить её снова и снова —
непостижно уму.
Всё равно с твоих губ отлетевшее слово
возвращается в хаос и тьму.

И навеки уходит от нас молодое,
начинает морщинить висок...
И колечко на правой руке золотое
в золотой возвратится песок.

И опять в темноту — к запредельным просторам
устремится душа не одна,
а с другой — донимавшей вслепую укором,
прожигавшей слезою до дна.

6. ПУТНИК

Небо рыхлое тёмное,
точно ямы во льду.
Даль земная огромная,
вся она на виду.

От рябины с оскоминой
лает рыжий трезор.
Путник в ризе заплеванной

входит в оптинский бор.

Страстотерпцу мерещится
вразумлённая Русь.
В старке ивовой плещется
подмерзающий гусь.

Птица глупая серая,
в Палестину лети,
где кончаются, веруя,
человечьи пути.

Там, где самая строгая
служба ночью и днём,
— Ждите нашего Гоголя! —
крикни с лёта в проём.

7. ГДЕ ЧАЙКИ

Где чайки, идя с виража
в пике, прожорливы,
за радужной плёнкой лежат —
мечта государей — проливы.

Но возле полуденных стран
нас, словно куницу в капкане,
с опорой на флот англикан
смогли запереть басурмане.

Эгейская пресная соль
под небом закатным.
Ещё, дорогая, дозвожь
побаловать нёбо мускатным.

На линии береговой
напротив владений султана,
быть может, мы тоже с тобой
частицы имперского плана.

Но, Господи, где тот генштаб,
его не свернувший доньне,
чтоб мысленно мог я хотя б
прижаться губами к святыне!

Дай алчущей рыбиной быть,
чьё брюхо жемчужине радо,
и тысячелетие плыть
и плыть до ворот Цареграда.

8. НЕ ОБЕССУДЬ

В густоморской листве
густо красна рябина
самых простых кровей.
Просека и трясина.

В хвойных, не обессудь,
мы оказались лапах.
Весь комариный путь
по большаку на запад,

за ворот пришлецу
ссыпав сухую хвою,
вот и пришёл к концу,
если не к аналою.

«Первый... один... родной...»
Высь с реактивным гулом.
И — провела рукой
по волосам и скулам.

Осени тёплый прах,
преображённый в слово,
вновь на твоих губах.

9. СПЕШИ

За поруганной поймой Мологи
надо брать с журавлями — правей.
Но замешкался вдруг по дороге
из варягов домой соловей
и тоскует, забыв о ночлеге
и колдуя, - пока не исчез
над тропинкой из Вологды в греки
полумесяца свежий надрез.

Расскажи нам о каменной львице
на доспехе, надетом на храм,
о просфоре, хранимой в божнице,
как проводит борей рукавицей
по покорной копны волосам.

Но спеши, ибо скоро над топью
беззащитно разденется лес
и отделятся первые хлопья
от заране всклублённых небес.
Но ещё и до хроник ненастных
по садам не осталось сейчас
георгинов в подпалинах красных,
ослеплявших величием нас.

10. В ПАРИЖЕ

Я не понимаю, о чём
сизарь-европеец лопочет
и ветер шуршит за плечом...
Пусть жизнь моя дышит, где хочет!

От спячки встряхнусь, молодясь,
аж на довоенной скамейке,

подброшу в ладони, смеясь,
всю сдачу со здешней копейки.

Тут, впрочем, зима не страшна:
не зябнут ни кисти, ни шея.
Хоть издали греет мошна
блестящих дельцов ротозея.

...Когда же нахлынет апрель
и твёрдо почувствую — крышка,
я милой в Судак, в Коктебель,
черкну ненароком письмишко:

«Где ропщет прибой, зелена
знакомого камня породу,
скользни там одна, без меня,
в слоистую беглую воду».

А чтоб не всучил почтальон
Ответ, отговорок не слыша,
Я стану нырять как тритон,
в глубоком тумане Парижа.

11. ПАРИЖ

Где каштаны неохватны в стружьях,
век толки — а всё не раздобишь
твой орешек в европейской ступе,
с козырьками красными Париж!

...Далеко за псковским буераком
затяжной метели невпрогляд
я вдогонку, помнится, оплакал
каждый камень в кладке баррикад

и беспечный завтрак на лужайке.
Но теперь по праву голытьбы
сам примкнул к неблагоприятной стайке
отрешённых от твоей судьбы,

для чего-то мешкая у стойки,
как последний честный графоман,
на ходу решающий с попойки
не вернуться, вывернув карман.

12. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Нет, не поеду — хмуро, волгло.
Но вот уже трясемься всё же
в купе с каким-то бритым волком,
наёмным киллером, похоже.

И дребезжащая открыта
В дыру космическую дверца,
что силой своего магнита

вытягивает магму сердца.

Выходишь затемно на старом
перроне в рытвинах глубоких
ещё с времён тоталитарных,
скорее серых, чем жестоких.

На улице — где все бессрочно
почти друзья поумирали
и сосунки в трущобах блочных
диковиною нынче стали,

уже светает; припозднился:
листва осыпалась дотолле.
Когда-то ведь и я родился
при Джугашвили на престоле.

Жизнь прожужжала мимо уха.
На кнопку надавлю упрямо.
Слепая, мне по грудь, старуха
не сразу и откроет... Мама.

13. ВАСИЛЬКОВАЯ ТЬМА

Многозвёздчатая, неимущая,
приютившая нас задарма,
неизбывно на убыль идущая
васильковая тьма.
Будет время в пространстве накатанном,
то разверзлось вплотную к стеклу,
погибая, жалеть о захватанном
зипунишке в медвежьем углу.

Наши судьбы вмещают невместное:
потупляя глаза,
сотвори скорей знаменье крестное,
если вдруг примерещится за
амбразурами дачного домика,
что встает на пути,
тень дельца теневой экономики
во плоти.

Небеса с истребителя росчерком.
И за давностью лет
я и сам оказался подпольщиком,
появившимся только на свет
знаменитого сыском отечества.
Ибо благовест издали вдруг
утишает в душе опрометчиво
и мятеж, и испуг.

...Где над вечным покоем униженным
на краю покровца не поблѣк
с материнским умением вышитый

василёк,
обнадежит мольба, что колодники,
серый конгломерат лагерей, —
нынче наши заступники, сродники,
сопричастники у алтарей.

14. БАБЬЕ ЛЕТО

Бабьего лета отеческий лик.
Штрифель в холщовом кармане.
Красно-зелёный кленовый плавник
поутру выплыл в тумане.

Нищий сидит у церковных ворот
к мелу спиной, подбородком вперёд.

Видят насквозь ледяные глаза.
Вылинял ворот рубашки.
К сальной подкладке его картуза
весело липнут медяшки.

С шишечкой чёрной резины костыль.
Псевдоплодовой отравы бутыль.

...Это, должно быть, сама благодать
луч на надвратной иконе!
Бабки к ограде пришли торговать
астры и сливы в бидоне.

Тает холодная слива во рту.
Крепнет малиновый звон на лету.

15. В ТРУДАХ И СПЯЧКЕ

Златоверхий у жилья
в шумной клён раскачке,
где расейская своя
жизнь в трудах и спячке,

от которой вперекос
визави всего лишь
приснопамятный погост
вот туда и клонишь.

...Приезжаю ль в город N,
занимаю номер,
никого не жду взамен
тех, кто жил да умер.

Убираю ль серым днём
за опавшим клёном,
вспоминаю ли с трудом
погода об оном,

возвращается ль в окно

мой высоколобый
кот, который заодно
с космосом утробой,

— в листопадных куч дыму
смыты все границы.
И скрипят, скрипят в доме
ночью половицы.

16. ВО МГЛЕ

1

Старый зубчатый храм
с трещиной пополам.

Целые дни сюда
льётся с небес вода.

Сад наш пошёл ко дну.
Красную ветвь одну

ветер раздул во мгле,
словно огонь в золе.

2

За оградою дол и лес.
И блеснувший реки надрез

перетянут жгутом моста,
где заклёпка середь креста.

3

Гул окраины. По пятам
растекается по домам

вязкий деготь людских лавин.
И задевших кювет машин

тормоза переходят в альт.
И бутылочно-жёлт асфальт.

4

От подземки квартал всего.
Там товарища моего

обложили со всех сторон.
Слушают телефон.

По ночам в окошки глядят
и пространство окрест когтят.

17. ПОД КРОВАВУЮ ВОДУ

Под кровавую воду ушедшие
заливные покосы губернии.

В Сорской пустыни ждут сумасшедшие,
что омоют их слёзы дочерние.

И безумец глядит в зарешёченный
лес в оконце ворот — и надеется

в заозёрном краю заболоченном,
что в застиранной робе согреется.

А другого, в траве прикорнувшего,
одолело унынье досужее.

Настоящее жутче минувшего —
думать так, земляки, малодушие.

Сердце ищет как утешения
бескорыстно, непривередливо,

пусть неправильного решения,
только б верного и последнего!

Было ясно, теперь — помрачение;
и, блестя раменами, коленами,

иван-чая стоит ополчение
в порыжевших доспехах под стенами.

18. ОСЕНЬ (Отрывок)

Клёны в росе,
в пятнах огня —
жёлтые все.
Хоть у меня

много в роду
среднячков,
в лес не войду
без тёмных очков,

тех, что с собой
на ночь в подвал
рыцарь скупой,
видимо, брал.

За золотым
стала лазурь
темно-седым
скопищем бурь.

Солнца на дне
диск там пропал.
Словно вовне
кто-то сказал,

тихо сказал,
как отрубил,
что отгулял
и отлюбил.

Холод влетит
в грудь — и окрест
всю превратит
землю в асбест.

Но не забыт
старый кожан,
истовый быт
литкаторжан.

Если найдёшь
уголь-глагол,
пепел трясёшь
прямо на стол,

чтобы отсель
взять мы могли
боль в колыбель
отчей земли.

19. СТРАШНО

В поле безродном — купина, палимая
беглым осенним огнём.
Жизнь искорёжена, непоправимая,
тянется ночью и днём.
Кажется, уж поослабил удавочку,
что же всё туже она?
Эй, кровопийца, закрой свою лавочку!
Всю бормотуху до дна
выжрал мужик, по распутице чавкая.
Крепок дешёвый табак.

...Где одичалые бобики, гавкая,
руку оближут за так,
страшно в России быть заживо сваренным
в клетке с поддувом под дверь.
Страшно с ружьём — под картавым татаринном.
Страшно с кайлом неподъёмным — под Сталиным.
Страшно — под тем, кто теперь.

20. ГОЛОС ИЗ ХОРА

Спросится с нас сторицей:
смерть, где твоё жало?

Небо над всей столицей,
как молоко, сбежало.

Лишь золотые тени
осени — Божья скрепа
в гаснущей ойкумене
гибнущего совдепа.

По облетевшей куще,
хлопьям её кулисы,
не обойти бегущей
по тротуару крысы.

Теплятся наши страхи
знобкие в гетто блочных.
Тоже и страсти-птахи
требуют жертв оброчных.

Все мы — тельцы и девы,
овны и скорпионы,
пившие для сугреву
по подворотням зоны,

перед вторым потопом
ныне жезлом железным,
чую, гонимы скопом
в новый эон над бездной.

В чёрные дни, на ощупь
узнанные отныне,
жертвеннее и проще
милостыня — Святыне.

21. РУСЬ

От лап раскалённого клёна во мраке
червоннее Русь.
От жизни во чреве её, что в бараке,
не переметнусь.

Её берега особливей и ближе,
колючей жнивье.
Работая веслами тише и тише,
я слышу её.

О, как в нищете ты, родная, упряма.
Но зримей всего
на месте снесённого бесами храма
я вижу его.

И там, где, пожалуй что, кровью залейся
невинной зазря,
становится жалко и красноармейца,
не только царя.

Всё самое страшное, самое злое
ещё впереди.
Ведь глядя в грядущее, видишь былое,
а шепчешь: гряди!

Вмещает и даль с васильками и рожью,
и рощу с пыльцой позолот
тот — с самою кроткою Матерью Божьей
родительский тусклый киот.

22. РОССИЯ ТЫ МОЯ!

Россия ты моя! И дождь сродни потопу,
и ветер, в октябре сжигающий листья...
В завшивленный барак, в распутную Европу
мы унесём мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин.

Вот-вот погаснешь ты. И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ощупь выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.